

Растительный мир поэзии С.Есенина в восприятии иракского носителя арабского языка

Художественный текст является отражением индивидуально-авторской картины мира, которая представляет собой сложный феномен, совмещающий национальные и индивидуальные черты. Каждый поэт по-своему воспринимает мир и выделяет наиболее важные с его точки зрения объекты, используя для их номинации определённые лексические единицы, которые можно рассматривать в качестве ключевых слов. В творчестве С.Есенина в число таких единиц входит лексика, содержащая семантический компонент «растение».

В арабском мире (и, в частности, в Ираке) существует давний интерес к поэзии С.Есенина. Его стихи известны, например, в переводах Амжеда Хамида Фархана и Хасаба Аль-Шейха Джафара из Ирака, Ибрахима Истамбулы из Сирии. Однако количество произведений, переведённых на арабский язык и изданных в Ираке, сравнительно невелико. Это цикл «Персидские мотивы» и 43 отдельных стихотворения. Можно предположить, что избирательный подход к есенинским текстам и небольшое количество переводов обуславливаются в числе прочих причин трудностями передачи арабскому читателю этнокультурных и индивидуально-авторских особенностей поэтического мира С.Есенина (в том числе и связанных с образами растений).

Поэтому актуальной представляется задача: на примере флористической лексики рассмотреть специфику восприятия иракским читателем художественного мира С.Есенина и выявить факторы, обуславливающие трудности понимания текста.

Методом сплошной выборки из поэтических произведений С.Есенина было выделено 1500 контекстов, включающих флористическую лексику. Выявленные лексемы по общности значения распределяются на следующие семантические группы: древесные растения, травянистые растения, плоды.

Анализ показал, что по частотности употребления первое место в художественной картине мира С.Есенина занимают номинации древесных растений. Наиболее высокие количественные параметры имеют фитонимы *берёза* – 59, *ива* (и её разновидности) – 36, *клён* – 20, *липа* – 17, *ель* – 17, *черёмуха* – 16. Из лексем, называющих части древесных растений, – *лист* (36) и *ветка* (17), из номинаций совокупности древесных растений – *лес* (33) и *роща* (33). Высокая частотность употребления фитонима свидетельствует о значимости называемого им объекта для художественного мировосприятия поэта.

Вторую по количественным параметрам группу составляют травянистые растения. Самую высокую частотность употребления имеет гипероним *трава* (47), из конкретных номинаций трав – *ковыль* (10) и *лебеда* (6). Из злаковых растений – *рожь* (17) и *овёс* (14). Из номинаций цветов

первое место по количественным параметрам занимает гипероним *цветок* (40), из названий конкретных разновидностей – *роза* (26) и *василёк* (7). Следовательно, эти растения являются наиболее релевантными в художественной картине мира С.Есенина. Номинации плодов малочисленны.

Количественный состав и лексико-семантические группы фитонимов, частотность употребления номинаций определённых растений, специфика связанных с ними национальных и индивидуальных ассоциаций являются важными средствами выражения индивидуально-авторской картины мира С.Есенина, а следовательно, играют важную роль в её восприятии читателем и адекватности интерпретации.

Проведённый анализ показал, что в лирике С.Есенина номинации растений несут важную функциональную нагрузку, выступая в качестве индикаторов информации, представленной в художественном произведении не только эксплицитно, но и имплицитно. Декодирование данной информации позволяет интерпретировать текст в максимальном соответствии авторскому замыслу.

Прежде всего фитонимы служат *локальными индикаторами* лирического события или переживания, поскольку использование номинации определённого растения даёт читателю пространственные ориентиры указывая на ту часть земного шара и ту климатическую зону, где возможно их произрастание, то есть являются средством выражения художественной информации о том, что лирическое событие происходит в определённом географическом регионе. Например, такие растения, как *рябина*, *вишня*, *калина*, *черёмуха*, *рожь*, *василёк*, типичны для России, а в Ираке не встречаются.

Отсутствие в сознании носителя арабского языка знаний о том, как выглядят эти растения и какие имеют свойства, затрудняет процесс восприятия поэтического текста С.Есенина.

Используемые С.Есениным фитонимы могут служить *темпоральными индикаторами*, то есть указывать на время лирического события или переживания. Но поэт очень редко называет растение без указания на его биологическое состояние. Поэтому более точными темпоральными индикаторами в лирике С.Есенина служат описания состояния деревьев, листьев, травы, так как изменения в их развитии и биологические фазы существования обусловлены временем года. Например, лирический пейзаж в поэзии С.Есенина очень часто включает *берёзу* в качестве одного из важных компонентов русской природы, причём данный фитоним в разных контекстах выполняет функцию не только локальной, но и *темпоральной* индикации, поскольку *берёза* изображается в разное время года: ***Белая берёза под моим окном /принакрылась снегом, точно серебром*** (зима); *Я помню осенние ночи, / берёзовый шорох теней...*(осень); ***И страна берёзового ситца / Не заманит шляться босиком...***(лето).

В случае, когда биологическое состояние описываемого растения указывает на определённое время года, называющие это растение фитонимы могут также служить *индикаторами эмоционального состояния* лирического

субъекта, поскольку в поэтической картине мира весенний расцвет природы ассоциируется с радостью, ожиданием любви и её началом, лето – с расцветом чувств, осень – с грустью, разочарованием, зима – с охлаждением и утратой любви. Вот, например, как соотносится эмоциональное состояние лирического героя с состоянием природы в следующих контекстах:

Сегодня цветущая липа / Напомнила чувствам опять, / Как нежно тогда я сыпал / цветы на кудрявую прядь.

Любить лишь можно только раз. / Вот оттого ты мне чужая, / Что липы тщетно манят нас, / В сугробы ноги погружая.

Этот приём – использование образа растения для выражения эмоционального состояния лирического героя – один из наиболее частотных в идиостиле С.Есенина, и поэтому правильность интерпретации поэтических образов, в структуру которых входят наименования фитонимов, является необходимым условием адекватности постижения читателем авторской интенции.

Определённые фитонимы могут служить *индикаторами этнографических и культурных* аспектов ситуации лирического события или переживания. Примером этнографической индикации является использование в поэтическом тексте наименований растений, обладающих в национальном сознании определённой символикой. Например, в русском национальном сознании девушку символизирует калина, а в арабской культуре – яблоня.

Самым частотным фитонимом в поэзии С.Есенина является *берёза*. Это дерево в его художественном мире ассоциируется прежде всего с красивой, весёлой и нарядной девушкой: *Зеленокосая, / В юбчонке белой / стоит берёза над прудом.; Улыбнулись сонные берёзки / Растрепали шёлковые косы*. Такое восприятие основывается на народно-поэтических воззрениях. В народном творчестве часто встречается условно-символическое обозначение деревьев, и *берёза* символизирует девичью чистоту. Поскольку в русском национальном сознании образ *берёзы* имеет этноспецифическую символику, можно утверждать, что называющий это дерево фитоним выступает в качестве *этнографического индикатора*, актуализируя данную информацию в сознании читателя. Вероятно, такая символика *берёзы* обусловливается белым цветом её коры, поскольку белый цвет во многих культурах ассоциируется с чистотой и невинностью.

Не является исключением и арабская культура, в которой *берёза* означает целомудрие и ассоциируется с образом Девы Марии. Второе значение данной лексемы в арабском языке – «подвижник-отшельник, изнуряющий себя лишениями и молитвами во имя служения богу». То есть берёза в языковом сознании арабов ассоциируется со святостью.

В русском фольклоре и русском национальном сознании ассоциация берёзы с девушкой лишена сакральных мотивов. А в поэзии С.Есенина образ девушки-берёзки даже обретает конкретные телесные черты. Лирический герой С.Есенина, олицетворяя берёзу, воспринимает её как земную женщину и обращается с ней соответствующим образом, выражая свои чувства просто,

а иногда и по-крестьянски грубовато: *Отрок-ветер по самые плечи / заголил на берёзке подол...*

С позиции представителя арабской культуры такие действия будут восприняты как святотатство, как осквернение чистоты. Поэтому стихи С.Есенина могут оказать на носителя арабского языка воздействие, противоположное авторской интенции. Адекватное восприятие представителем арабской культуры образа берёзы в лирике С.Есенина невозможно не только и не столько в силу отличий символики данного растения в русском и арабском языках, а главным образом в силу специфики индивидуально-авторских коннотаций. Следовательно, можно говорить о том, что в рамках образной системы С.Есенина фитонимы выступают и в функции *индикаторов индивидуально-авторских признаков* образа этого растения.

Этнографическая индикация проявляется также:

1) в специфике коннотаций, связанных в сознании народа с тем или иным растением. Так, в арабской культуре *трава* ассоциируется с обилием и благом, а в русской возможна ассоциация с чем-то неважным, ненужным (*трын-трава*). В подобных случаях интерференция арабского языка приведёт не просто к искажению восприятия авторского образа, а к его пониманию в прямо противоположном авторской интенции смысле.

2) во внутренней форме народного названия того или иного растения, которая может быть не декодирована представителем арабской культуры, например: *медуница, лебеда, кашка* (клевер).

Культурная индикация проявляется в том, что номинация растения является аллюзией на какой-либо феномен общечеловеческой или национальной культуры. Так, *яблоко* вызывает ассоциации с Эдемом, то есть соотносит лирическую ситуацию с христианством. В цикле «Персидские мотивы» культурную индикацию осуществляет лексема *роза*, поскольку восточная любовная лирика строится на символических образах розы и соловья.

Кроме того, как уже указывалось, образы растений приобретают в индивидуальной картине мира С.Есенина специфические индивидуально-авторские ассоциации и коннотации, поэтому называющие их фитонимы выступают также в функции индикаторов индивидуально-авторских смыслов. Например, в арабском мире *яблоня* является символом женственности и женской привлекательности. Но в художественной картине мира С.Есенина указанные признаки не актуализируются, используется только приём олицетворения (*яблоне тоже больно ронять своих листьев медь*), поэтому образ яблони в приведённом контексте лишь частично совпадает с его трактовкой в арабской культуре. В остальных случаях в художественном мире С.Есенина фитоним *яблоня* входит в структуру метафор и сравнений, основанных на параллели с эмоциональными (*душу-яблоню ветром стряхать, яблоневым цветом брызжется душа моя белая*) и физиологическими (*Словно яблонный цвет, седина у отца пролилась в бороде*) процессами жизни человека. Данный фитоним используется также

для репрезентации сквозных образов, связанных с индивидуальным есенинским восприятием цветущих деревьев: «яблонь весенняя *вьюга*», «белых яблонь *дым*». Следовательно, фитоним *яблоня* выполняет в поэзии С.Есенина преимущественно функцию индивидуально-авторской индикации.

Интересным представляется поэтическое восприятие *мака*, связанное со страданием неразделённой любви (*Маком* влюблённое сердце цветёт./ Только не мне она песни поёт). Красный цвет мака является воплощением силы и яркости чувства. Но мак ещё и цветок одурманивающего растения. Поэтому возникает ассоциация: любовь – дурман. В арабском мире с этим цветком связаны положительные коннотации – радость, тишина, спокойствие. И они вступают в противоречие с индивидуально-авторским образом мака в художественном мире С.Есенина.

Ландыши в художественном мировосприятии С.Есенина символизируют возрождение жизни, надежду, веру (*в сердце ландыши вспыхнувших сил*). В другом контексте с помощью ландышей создается образ облаков, небес, рая, то есть ландыш становится «небесным цветком»: «Не жалеете же ушедших ... Там на *ландышах* расцветших / Лучше, чем в полях у нас». Перенос происходит по признакам «цвет», «нежность». В арабском мире ландыш может ассоциироваться с дружбой, но данная ассоциация, если она актуализируется в сознании носителя арабского языка при восприятии есенинского образа, исказит его художественную структуру.

Таким образом, фитонимы, выступая в качестве средств локальной, темпоральной, эмотивной, этнографической, культурной и индивидуально-авторской индикации, служат репрезентантами не только эксплицитной, но и имплицитной информации, декодирование которой позволяет интерпретировать текст в максимальном соответствии авторскому замыслу.

Каждый из выявленных аспектов декодирования информации, репрезентируемой посредством номинаций растений, может вызывать трудности у носителя арабского языка.

Неадекватность интерпретации поэтических образов С.Есенина, в структуру которых входят наименования растений, а следовательно, и неадекватность постижения иракским носителем арабского языка авторской интенции может быть обусловлена такими факторами, как: а) природно-климатические (наличие или отсутствие номинируемого растения на территории проживания носителя арабского языка и, соответственно, знаний о его свойствах); б) этноботанические (совпадение или различия в восприятии растения носителями русского и арабского языков, порождающие этноспецифичные коннотации); в) специфика и сложность индивидуально-авторских образных ассоциаций.

Наиболее адекватным будет восприятие цикла «Персидские мотивы», в котором использование номинаций растений служит цели максимального приближения к восточной культуре. Что касается других произведений, то их восприятие носителем арабского языка неизбежно связано с трудностями, которые могут быть частично сняты только посредством лингвокультурологического комментария.